

A movie poster featuring a woman with long dark hair and a floral headband, holding a white rose. She is standing in a garden with a large, ornate house in the background under a full moon. The title is written in large, stylized Russian letters.

БЕЛАЯ РОЗА
ПОМЕСТЬЯ
ЛОТОСОВЫХ

Светлана Шестернева

Белая роза поместья Лотосовых

<https://litres.ru/74617008>

SelfPub; 2026

Аннотация

Студентка-ботаник Ксю приезжает на летнюю практику в поместье Лотосовых. Запретная северная часть сада, шёпот старой белой розы и подземный ход, скрывающий семейную тайну, — чтобы выбраться на свет, ей придётся раскопать правду, похороненную восемьдесят лет назад...

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Светлана Шестернева

Белая роза поместья Лотосовых

Глава 1

Ксю стояла у высоких чугунных ворот, пропахших ржавчиной и нагретой за день пылью. Полевая сумка тянула плечо, но она не торопилась входить — сначала разглядывала, вбирала, записывала. Дорожка уходила вглубь, в прохладную зелень, и оттуда пахло влажной землёй, мятой, чем-то старым и забытым.

Она перевела взгляд левее, туда, где за густой сеткой акаций и бузины угадывалась заброшенная часть сада. Сквозь ветви пробивался белый всполох — плети старой розы, облепившей руины беседки так плотно, что камней почти не было видно.

Сердце стукнуло громче. Такой чистой, почти светящейся белизны она не встречала в определителях. Ксю достала блокнот, чиркнула: *«Rosa alba? — уточнить»*, но тут же захлопнула. Дома, в общежитии, никто бы не спросил, что она видела. В университете её отметки тонули в списках от-

личников с золотыми значками. А здесь, в этой тишине, где солнце ложилось на листья прозрачными пятнами, ей вдруг показалось, что кто-то ждёт именно её вопроса. Она шагнула вперёд, к калитке, но ноги сами, помимо воли, повернули не к главному дому, а влево — туда, где акации смыкались над заросшей тропой.

Ксю несла свой рюкзак следом за невысокой девушкой с собранными в тугой хвост светлыми волосами. Та шла быстро, не оглядываясь, и Ксю приходилось почти бежать, чтобы не отстать. Оранжерея оказалась огромной, с высокими запylёнными окнами, сквозь которые лился мутноватый полуденный свет. Вдоль стен стояли старые деревянные стеллажи, на которых ещё оставались глиняные горшки, сухие и растрескавшиеся. Здесь пахло известкой и сухими травами, и этот запах казался Ксю родным — так пахла гербарная комната в университете.

Женя остановилась посреди помещения, обвела рукой пространство. — Вот, живи пока. На втором этаже есть комната с кроватью и столом. Вода в конце коридора, туалет на улице. Голос звучал ровно, без особого тепла. Ксю кивнула, не зная, что сказать. Она чувствовала, как взгляд Жени скользит по ней — по потёртому рюкзаку, по простой одежде, по дешёвой обуви. Скепсис был почти осязаем. Ксю не обижалась — она привыкла к таким взглядам в университете. Женя уже развернулась, чтобы уйти, когда в проёме двери появился дядя Миша. Он был в старом пиджаке с оттопырен-

ными карманами и держал в руках свёрнутое байковое одеяло и белую эмалированную кружку с отбитым краем. Молча поставил одеяло на ближайший стеллаж, кружку сунул Ксю в руки и так же молча исчез, только скрипнули половицы на веранде. Женя на миг задержалась в дверях.

— Вечером приходите в дом, ужин в семь. Дед не выходит, так что не ждите приёма. Он почти всё время в кабинете. И ушла, оставив Ксю одну под высокими окнами. Ксю посмотрела на кружку — обычную, с тёмным ободком у края, — и вдруг поняла: это первая вещь, которую ей здесь дали просто так.

Булыжник под ногами был ещё сырым от росы, хотя солнце уже подсушивало верхушки клёнов. Ксю вышла из оранжереи, когда утренний туман только начал редеть, и увидела их у машины: Льва Львовича в старом твидовом пальто и Женю, которая держала его сумку и говорила что-то тихо, почтительно. Старик слушал, глядя поверх её головы — туда, где за туманом угадывалась тёмная стена северного сада. Он повернулся, заметил Ксю на ступенях, и его взгляд стал другим — не строже, а глубже, будто он взвешивал что-то, о чём она не знала.

— Вы, Ксения, из Петербурга, я слышал. Там все студенты дерзкие на язык. Полезайте куда не надо — и не воротите нос. Женя закатила глаза, но промолчала. Ксю хотела сказать, что она не из Петербурга, а из области, и что она вообще-то тихая и исполнительная. Но старик уже шагнул ближе,

и голос его упал почти до шёпота.- Северная часть. Ограда старая, всё в зарослях. Под землёй там такие лазы, что ещё с войны не засыпаны — обвалится, и костей не соберут. Я серьёзно, девочки. Не суйтесь. Он не сказал «провалитесь» — он сказал "обвалится". И в этом слове было что-то настолько осязаемое, что Ксю почувствовала, как под ложечкой заныло от зябкой, нелогичной тревоги. Женя кивнула, сжала губы. Лев Львович посмотрел на них обеих ещё раз, коротко — проверяя, понял или, — и сел в машину. Мотор завёлся с полуоборота, выхлоп стланул по сырой земле. Машина выкатилась за ворота, и в тот же миг птицы, примолкшие на минуту, запели снова. Усадьба стала прежней — солнечной, сонной, пустой. Но запрет остался висеть в воздухе, как невидимый занавес, отделяющий этот сад оттого, другого. Ксю смотрела на северную часть, где белая роза белела в тумане уже не всполохом, а пятном — будто кто-то стоял и ждал, когда она решится.

Ксю догнала Женю уже у крыльца, когда та собиралась захлопнуть за собой дверь. Вопрос выскочил сам собой, раньше, чем Ксю успела его обдумать:— А что за лазы? Вы знаете про них? Женя остановилась, придержала дверь плечом. Не обернулась, но Ксю видела, как напряглась её спина под лёгкой рубашкой.— Знаю. Там, в северной части, под беседкой — старый бункер, ещё с войны. Дед говорил, там целая сеть ходов под всем садом. Ещё до того, как всё заросло, там можно было из оранжереи к пруду пройти, не выходя наверх.—

И никто не проверял? — Ксю шагнула ближе. — Не пытался расчистить? — А кому надо? — Женя наконец обернулась. В глазах её мелькнуло что-то похожее на усталость. — Дед запретил, значит — запретил. Он вообще много чего запрещает, но это...это он всерьёз. Я раз в детстве сунулась, так он меня за руку оттащил и неделю не разговаривал.

Женя ушла в дом, оставив Ксю на крыльце с этим знанием. Лазы. Целая сеть ходов. Под всем садом. Ксю посмотрела на свои руки — в них всё ещё была та кружка с отбитым краем, и солнце грело донышко, нагретое за день. Она пошла не в оранжерею, а к краю сада, туда, где ещё утром заметила участок с какими-то странными зонтичными — они росли плотной стеной у самой ограды северной части. Нужно было взять образец, записать, зарисовать. Дело, а не любопытство. Она убеждала себя в этом, пока пробиралась сквозь высокую траву, пока приседала на корточки у зарослей борщевика, пока доставала из сумки лупу и секатор.

Но взгляд то и дело уходил левее, туда, где чугунная решётка старой ограды, чёрная от сырости, проседала под тяжестью плюща. И там, в двух шагах от неё, в нижней части пролёта, зиял разрыв — прутья разошлись, ржавые на сломе, будто то-то уже пролезал здесь, и давно. Лаз был узкий, почти незаметный, если не знать, куда смотреть. Ксю замерла с секатором в руке, глядя на этот пролом. В голове стучало: «нельзя», «обвалится», «дед всерьёз». Но ветер донёс оттуда запах — мокрой земли и белых роз, сладкий, тяжелый, по-

что осязаемый. И ей вдруг стало невыносимо сидеть здесь, на безопасной стороне, и просто записывать в блокнот то, что и так известно по книжкам. Она сунула секатор в сумку, пригнулась и, не давая себе опомниться, протиснулась в лаз. Железо царапнуло по спине, зацепило ткань куртки. Плющ скользнул по лицу влажным, холодным касанием. И через секунду она уже стояла по ту сторону ограды — в запрещённом саду, где трава была выше колена, а воздух казался плотнее, гуще, будто его не трогали сорок лет.

Ксю выдохнула. Сердце колотилось где-то в горле, но отступать было поздно. Впереди, сквозь заросли дикой малины и бузины, угадывались руины беседки — белые камни, оплётённые стеблями так плотно, что они казались частью одного огромного живого организма. И над всем этим — та самая роза, белая, огромная, с ветвями толщиной в руку, усыпанная бутонами. Она цвела так густо, словно всё лето копила силы только для этого мгновения.

Крапива хлестала по голым рукам, и Ксю уже пожалела, что не надела куртку с длинным рукавом. Дикая малина цеплялась за джинсы, и каждый шаг давался с усилием, будто сад не хотел пускать её дальше, в самое сердце. Она раздвинула очередной стебель полыни — и замерла. Руины беседки оказались ближе, чем казались. Сквозь ветви уже проступали белые камни, покрытые мхом и землёй, и вся эта груда была так плотно обвита стеблями, что Ксю не сразу поняла, где заканчивается камень и начинается растение. Роза

была огромной — не куст, а целая живая стена, вздымающаяся к небу, густая, непробиваемая, и каждый бутон на ней был раскрыт так широко, словно дышал. Ксю шагнула ближе, уже не думая ни о запрете, ни о Жене, ни о том, что её могут хватиться. Она хотела рассмотреть цветок, определить его — хотя в глубине души уже знала, что это не просто роза. Такой белизны не бывает у садовых сортов. Она светилась изнутри, как фарфор на солнце.

Тишина вокруг была плотной — ни птиц, ни ветра. Ксю протянула руку к ближайшему бутону, ещё не касаясь, просто проверяя расстояние. И в этот миг ветер, которого не было, качнул стебли, и по листьям прошёл шелест, похожий нечеловеческий шёпот, почти разборчивый, будто кто-то хотел сказать одно слово, но не решался. Ксю отдернула руку и оглянулась. Никого. Только она и белая стена. Шёпот повторился — тише, но настойчивее, и на этот раз Ксю разобрала. Он назвал её по имени. Не «девушка» и не «вы» — именно «Ксю». Сердце ухнуло куда-то в живот, а потом забилось часто-часто, как у пойманной птицы. Это было страшно — до дрожи в коленях, до холодного пота на спине. Но ещё это было завораживающе, как смотреть в пропасть, зная, что не упадёшь, но пальцы уже сводит от желания шагнуть. Ксю облизала пересохшие губы. Голос, если это был голос, не повторился — только листья всё так же дрожали, и белые лепестки, отрываясь, падали к её ногам, ложились на сырую землю, один за другим, словно кто-то считал секунды в ожи-

дании ответа. Тишина сгустилась до звона. И Ксю поняла: она должна что-то сказать. Куст ждал.

Она не сказала ни слова. Просто протянула руку — медленно, как сквозь воду, — и кончиками пальцев коснулась самого крупного бутона. Лепестки были прохладными, плотными, чуть влажными от росы, и на ощупь напоминали старый шёлк. Тонкий стебель дрогнул под её пальцем, и с него сорвалось несколько капель — упали на землю, тёмными точками легли на пыльные листья. Ксю замерла, не убирая руки. Тишина длилась секунду, другую — и вдруг лопнула. Из глубины куста, из самой его середины, где переплетались старые одеревеневшие ветви, донёсся звук — не шёпот, а скорее вздох, долгий, вырывающийся, словно кто-то сдерживал его годы и наконец позволил себе выдохнуть. Листья качнулись все разом, без ветра, будто по ним прошла волна, и Ксю отчётливо услышала:— Наконец-то. Голос был женским — низким, чуть хриловатым, старческим, но не дряхлым, а скорее усталым. Он шёл не из воздуха, нес ветром — он рождался внутри самого куста, из его стволов и корней, из густой зелени. Ксю отдернула руку, но ноги не слушались. Она стояла, глядя на бутон, который только что трогала, и не могла понять, было это наяву или её накрыло солнечным ударом.

— Ксю, — повторил голос, уже мягче, почти просительно. — Не бойся. Я давно никого не звала. Ты первая пришла. Ксю открыла рот, чтобы спросить «кто вы?», но вместо это-

го выдохнула:— Я из университета. На практику приехала. Я... я ботаник, точнее студентка. Ищу редкие растения. А вы... вы роза? —последнее прозвучало глупо даже для неё самой, но голос молчал, и она вдруг понесла, заторопилась, будто боялась, что её перебьют или не дослушают: — У нас в гербарии нет такой белизны, я никогда не видела, чтобы *Rosa alba* так цвела, у неё обычно цвет кремовый, а здесь — чистый, как снег, и запах другой, совсем другой, я записала, но пока не определила... Она замолчала, потому что поняла: говорит одна, в пустой сад, под кустом розы, и это бессмысленно. Но куст не перебивал. И когда она смолкла, с верхних ветвей, медленно кружась, упали три крупных белых лепестка — легли к её ногам на тёмную землю, как три буквы, сложенные в слово. Ксю смотрела на них, и в груди разрасталось странное, тёплое чувство. Будто её наконец услышали. По-настоящему. Не как на семинарах, где преподаватель кивает, не глядя, и не как в общепитии, где соседки болтают о своём. Здесь, под этой старой розой, кто-то её слушал — и отвечал не словами, но так, что слова были не нужны.

Тишина снова сгустилась, стала вязкой, и в ней голос прозвучал отчётливее прежнего — требовательный, почти жадный:— Ты пришла за чем-то. Я знаю. Не за образцом. За чем-то другим. Скажи.

Ксю почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она не знала, что ответить. Потому что правда была хуже любого ответа: она сама не знала, зачем пролезла через лаз. Мо-

жет быть, за тайной. Может быть, за тем, что её — обычную, незаметную — заметят. Или просто потому, что впервые в жизни кто-то назвал её по имени в этом пустом, тихом саду.

Ксю стояла, не в силах отвести взгляд от белого бутона. Лепестки его были плотно сжаты, как кулачок, и на самом кончике дрожала капля росы, готовая сорваться, но не падала. Голос молчал, но тишина была не пустой — она давила, ждала, дышала где-то под землёй, в корнях. — Сорви меня, — произнёс голос вдруг, отчётливо, почти требовательно. Ксю вздрогнула. Сорвать? Она смотрела на бутон, и тот словно налился светом — белым, плотным, как молоко. Лепестки чуть приоткрылись, и из глубины пахнуло теплом и мёдом, густым, дурманящим, от которого слегка закружилась голова. — Сорви, — повторил голос уже тише, ласковее, обволакивающе. — И я открою тебе все тайны этого сада. Все, что скрыто. Ты узнаешь то, что никто не знает. То, что ждало тебя. Ксю сглотнула. В голове билась мысль: «нельзя, это чужое, это живое, нельзя срывать, ты же ботаник, ты знаешь — нельзя». Но пальцы уже сами тянулись к стеблю, помимо воли, и кожана кончиках горела от предвкушения. Голос струился внутри, как тёплая вода, размывая границы между «надо» и «хочу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.